

Главлитбел – инструмент информационного контроля белорусского общества (1922–1941 гг.)

Александр Гужаловский

Глобализация медиапроцессов, развитие средств связи, использование новых технологий в сфере передачи и хранения информации способствуют формированию нового открытого общества. Развитие коммуникативных возможностей привело к размыванию границ между странами, расширению обмена и взаимодействия культур, возникновению «глобальной деревни». Казалось бы, в ней нет места для такого явления как политическая цензура. Каждый гражданин имеет право получать любую информацию, если она не является государственной или военной тайной.

Статья 33 Раздела 1 Конституции Республики Беларусь 1994 г., подобно конституциям других постсоветских государств, запрещает цензуру в стране. В соответствии со статьей 17 Закона об информации, информатизации и охране информации Республики Беларусь, «к информации, распространение и (или) предоставление которой ограничено, относятся: информация о частной жизни физического лица и персональные данные; сведения, составляющие государственные секреты; информация, составляющая коммерческую и профессиональную тайну; информация, которая содержится в делах об административных правонарушениях, материалах и уголовных делах органов уголовного преследования и суда до окончания производства по делу; другая информация, доступ к которой ограничен законодательными актами Республики Беларусь».¹

Тем не менее, мы ежедневно сталкиваемся с деятельностью государственных органов Республики Беларусь, как и других постсоветских стран по манипулированию социально-политической и культурной сферами общественной жизни. Политическая цензура как форма идеологического контроля общества существует уже не в ее классических формах, про которые идет речь в статье, а в виде запугивания главных редакторов изданий, распространителей, руководства типографий, негласного запрета на распространение изданий через подписные и розничные сети, отказа в выдаче регистрационных свидетельств, изъятий из продажи и во время обысков, наконец, в виде ограничений доступа к Интернету.

В статье ставится задача проследить процесс становления, структуру, динамику кадрового состава и основные направления практической деятельности цензурных органов БССР в межвоенный период. Именно

1 Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 28 ноября 2008 г. № 279. 1839. С. 14–27.

на протяжении 1920–30-х гг. сформировалась система информационного контроля советского общества, которая с некоторыми изменениями функционировала до 1991 г. и в значительной степени определяет ситуацию со свободой слова в сегодняшней Республике Беларусь.

Цензура может рассматриваться как явление, процесс либо конкретно-исторический единичный акт. Цензура – это часть государственной политики, общественной жизни и одновременно целиком самостоятельный социальный феномен. Автор использует его понимание в узком смысле (деятельность Главлитбела, Отдела военной цензуры и Главлита БССР, а также Главрепертком), лишь по необходимости используя широкую трактовку данного социального феномена (как систематическую деятельность партийных и государственных органов по ограничению доступа общества к информации).

Западные историки обратились к изучению политической цензуры в сталинском СССР на рубеже 1940–50-х гг. В 1969 г. в Лондоне прошел специальный симпозиум, посвященный советской цензуре, материалы которого были опубликованы отдельной книгой.² Некоторые аспекты политической цензуры в СССР в 1920–30-е гг. рассматривались в ряде материалов конференций и симпозиумов, вышедших под редакцией американских ученых М.-Т. Чолдин и М. Фридберга.³ В 1992 г. в США вышла статья М. Фокса «Главлит, цензура и партийная культурная политика. 1922–1928 гг.»,⁴ посвященная изучению сложного взаимодействия партийных, правительственных и цензурных органов в процессе налаживания контроля над культурной жизнью Советской России эпохи НЭПа. Автор предложил в ней свое понимание культурной политики, которую проводила РКП(б)–ВКП(б) на протяжении 1920-х гг. Важным вкладом в изучение темы «Литература и власть в СССР», в том числе в межвоенный период явилась монография профессора Принстонского университета Г. Ермолаева, вышедшая в 1997 г. под названием «Цензура советской литературы».⁵

Советская историография, насчитывающая сотни работ, посвященных истории СМИ и культурного строительства в СССР не признавала существования в стране цензуры. С начала 1990-х гг. первоначально в российских столицах, а затем и в других городах увидело свет значительное количество книг и статей, посвященных изучению советской

2 M. Dewhirst and R. Farrell, eds., *The Soviet Censorship* (Metuchen-New Jersey: Scarecrow Press, 1973).

3 См. напр.: М. Т. Чолдин и М. Фридберг, eds., *The Red Pencil: Artists, Scholars and Censors in the USSR* (Winchester, MA: Unwin Hyman, 1989).

4 Fox M. *Glavlit, "Censorship and the Problem of Party Policy in Cultural Affairs, 1922–28," Soviet Studies* 44:6 (1992), pp. 1045–1068.

5 Herman Ermolaev, *Censorship in Soviet Literature, 1917–1991* (Lanham, MD: Rowman and Littlefield, 1996).

цензуры. Большинство из них объединяет то, что они были написаны на основе рассекреченных архивных документов. А.В. Блюм в своих работах детально анализирует структуру Главлита РСФСР, раскрывает технологию цензурного контроля, прослеживает взаимосвязь деятельности цензурных органов (на примере Ленинграда) с работой высших партийных инстанций и репрессивных органов.⁶ Археографический характер имеют работы Т.М. Горяевой, которая опубликовала и прокомментировала ряд неизвестных ранее документов, демонстрирующих эволюцию цензурных органов, механизмы принятия ими решений, разнообразие форм идеологического контроля общества, в т. ч. СМИ.⁷ На рубеже веков появляются важные работы, раскрывающие механизмы цензурного контроля советской науки и культуры.⁸ Тогда же различные аспекты советской цензурной практики становятся предметом обсуждения на нескольких научных конференциях,⁹ а также излагаются на страницах учебных пособий.¹⁰ Вслед за российскими историками к изучению феномена советской цензуры приступили ученые других государств, входивших ранее в состав СССР.¹¹ История цензуры в БССР была одной из табуированных тем

6 Блюм А.В. За кулисами «Министерства правды». Тайная история советской цензуры. 1917–1929. СПб.: Академический проект, 1994. 320 с.; Блюм А.В. Еврейский вопрос под советской цензурой. 1917–1991. СПб.: Петербургская иудаика, 1996. 185 с.; Блюм А.В. Советская цензура в эпоху тотального террора. 1929–1953. СПб.: Академический проект, 2000. 312 с.

7 Горяева Т.М. Исключить всякие упоминания...: Очерки истории советской цензуры. Мн.: ООО «Старый Свет-Принт»; М.: «Время и место», 1995. 332 с.; Горяева Т.М. Радио России. Политический контроль радиовещания в 1920-х – начале 1930-х годов. Документированная история. М.: РОССПЭН, 2000. 175 с.; Горяева Т.М. Политическая цензура в СССР. 1917–1991 гг. М.: РОССПЭН, 2002. 400 с.

8 Зеленев М.В. Аппарат ЦК РКП(б) – ВКП(б), цензура и историческая наука в 1920-е годы. Н. Новгород: ГИПП «Нижеполиграф», 2000. 538 с.; Глазков М.Н. Чистки фондов массовых библиотек в годы Советской власти (окт. 1917–1939). М.: Пашков дом, 2001. 101 с.; Бондарева Г.А. Советская цензура зрелищ в период новой экономической политики (1921–1929): Автореферат диссертации на соискание степени кандидата исторических наук: 07.00.02. М., 2003.

9 На подступах к спецхрану. Труды межрегиональной научно-практической конференции «Свобода научной информации и охрана государственной тайны: прошлое, настоящее, будущее». 24–24 сент. 1991 г. Редколлегия: М.Б. Конашев (отв. ред.) и др. СПб., 1995. 107 с.; Цензура в России: история и современность: Сборник научных трудов / Российская национальная библиотека, С-Петербургский филиал Института естествознания и техники РАН, С-Петербургский общественный совет по свободе научной информации (Комиссия при С-Петербургском союзе ученых). Вып. 1. СПб., 2001.

10 Жирков Г.В. История цензуры в России. XIX–XX вв. Учебное пособие для студентов ВУЗов. М.: Аспект пресс, 2001. 367 с.

11 См. напр.: Бабюх В.А. Політична цензура в Україні в 1920–1930-х рр. Автореферат диссертациі на здобуття наукового ступеня кандидата історичних наук за спеціальністю 07.00.01 – історія України. Інститут історії України. Київ, 2007. 21 с.

белорусской советской историографии. Поэтому первые работы по истории советской цензуры вышли из-под пера белорусских исследователей, которые находились в эмиграции.¹² Белорусские историки, проживавшие на родине обратились к этой теме уже после приобретения страной независимости.¹³ Таким образом, если в обобщающих работах по истории советской цензуры, вышедших из-под пера российских авторов не нашлось места для белорусских сюжетов, то и в Республике Беларусь обобщающей работы, посвященной истории цензуры в БССР, даже в рамках отдельного периода, также не появилось.

Местонахождение материалов делопроизводства Главлитбела – Отдела военной цензуры и Главлита БССР в довоенный период неизвестно. Наиболее вероятно они были частично уничтожены в 1937 г., частично погибли в годы немецкой оккупации. Поэтому документальной основой для воссоздания картины деятельности белорусского цензурного ведомства являются его отчеты в ЦК КП(б)Б, а также разнообразные партийные решения об установлении информационного контроля за обществом и переписка ЦК с ОГПУ – НКВД. Важная информация по данному содержится на страницах периодики рассматриваемого времени и мемуарной литературы.

ОРГАНИЗАЦИЯ И СТРУКТУРА ОРГАНОВ ЦЕНЗУРЫ В БССР

Еще до образования БССР, 25 октября 1917 г. своим приказом № 1 Минский совет рабочих и крестьянских депутатов ввел цензуру всех газет которые издавались в городе и приходили по почте с целью «предотвращения»

12 *Адамовіч А.* Якуб Колас у супраціве саветызацыі. Мюнхен: Інстытут для вивучэння гісторыі культуры СССР, 1955. 62 с.

13 *Герасімаў В.М.* Гісторыя цензуры друку на Беларусі: стагоддзе за стагоддзем // Матэрыялы першых кнігазнаўчых чытанняў (Мінск, 15 верасня 1998 г.). Мн.: Нацыянальная бібліятэка Беларусі, 2000. С. 23–34; *Матох В.* БССР у 1920-я гг.: усталяванне татальнай цензуры і ідэалагічнага кантролю // *Arche*. 2009. № 1–2. С. 249–273; *Матох В.* Дзейнасць Галоўліта БССР у 1920-я гады // *Беларускі гістарычны часопіс*. 2008. № 6. С. 13–20; *Матох В.* Цензура в БССР // *Абазур*. 2007. № 7–8 (62–63). С. 44–47; *Осинская С.А.* Цензура на страже советской власти в Беларуси // 90 лет истории белорусской государственности. Тезисы докладов научно-теоретической конференции. Минск. 23 дек. 2008 г. / редкол.: А.Н. Алпеев [и др.]. Минск: МГЭИ, 2009. С. 108–116; *Пурышева Н.М.* Становление и деятельность органов литературной цензуры в БССР в 1920-х гг. // *Куляшоўскія чытанняі: Матэрыялы Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі*, 26–27 красавіка 2007 г. Магілёў, 2007. С. 222–224; *Ракашевіч В.К.* Главлит БССР (1923–1991) // *Беларускі археаграфічны штогоднік*. Вып. 1. Мн.: БелНДІДАС, 2000. С. 178–189; *Сумко А.В.* Дзейнасць Галоўнага ўпраўлення па справах выдавецтваў БССР (1922–1941 гг.) // *Вестник Полоцкого государственного университета: научно-теоретический ежемесячный журнал*. – Серия А, Гуманитарные науки. 2005. № 1. С. 67–71; *Сумко Е.* Источники по истории советской цензуры в БССР 1920–1930-х гг. в архивах Беларуси // *Архівы і справаводства*. 2004. № 4. С. 99–102.

щения распространения слухов, которые волнуют население». ¹⁴ Конечно, в качестве опасности, воюющие стороны в ходе гражданской войны расценивали не столько вредные слухи, сколько идеологию противника, которая излагалась в прессе, листовках, книгах.

С момента образования БССР в 1919 г. и до 1922 г. за политический контроль печати на территории БССР отвечали красноармейские отделы цензуры, функции которых со временем были переданы в отделы военно-политической цензуры Всероссийской чрезвычайной комиссии. Контроль над распространением печатной продукции в БССР осуществляли также органы, созданные в рамках Народного комиссариата просвещения – Главполитпросвет и политический отдел Государственного издательства Беларуси. Цензура в то время в БССР, как и в других советских республиках была децентрализована. Она не регулировалась никакими государственными юридическими актами. В таких условиях авторам и издателям можно было находить межведомственные «проходы» и издавать нежелательную для власти литературу.

С началом проведения в 1921 г. новой экономической политики ситуация с контролем за печатным словом обострилась. Возникновение большого количества кооперативных и частных издательств, а также книжных магазинов создавало опасность появления «вредной» печатной продукции, которая несла либеральную идеологию. Важнейшим инструментом ЦК КП(б)Б по осуществлению политической цензуры в СССР в 1920–30-е гг. стало Главное управление по делам литературы и издательств БССР (Главлитбел). Созданное по московскому образцу постановлением СНК БССР от 5 января 1923 г., оно формально было подчинено Наркомпросу БССР и начало работу в Минске фактически уже осенью 1922 г.

На Главлитбел и его местные органы возлагалось:

- предварительный просмотр всех предназначенных для печати или распространения литературных произведений как рукописных, так и печатных, а также снимков, рисунков, карт;
- выдача разрешений на право издания отдельных произведений;
- составление списков произведений печати, запрещенных к продаже и распространению;
- издание правил, распоряжений и инструкций по делам печати, обязательных для всех органов печати, издательств, типографий, библиотек и книжных магазинов.

Главлитбел запрещал издание и распространение произведений, содержащих агитацию против советской власти, разглашавших военную тайну, возбуждавших националистический и религиозный фанатизм, либо имевших порнографический характер. От политической цензуры освобождалась партийная коммунистическая печать. Борьба с распростра-

¹⁴ Великая Октябрьская Социалистическая революция в Белоруссии: Документы и материалы. Т. 2. / Ред. коллегия: Т.С. Горбунов и др. Минск: Госиздат БССР, 1957. С. 31.

нением произведений, не разрешенных Главлитбелом поручалось ГПУ. Отдельный пункт постановления СНК БССР «О Главлитбеле» предусматривал создание Центральной репертуарной комиссии при Народном комиссариате просвещения с целью контроля за театральными и зрелищными мероприятиями. Этими объектами ограничивалась деятельность цензурных органов БССР в течение первых лет их существования.¹⁵

Формально Главлитбел подчинялся Народному комиссариату просвещения БССР, но на самом деле выполнял инструкции, приказы и был подотчетен Главлиту РСФСР (с которым формально занимал равное по статусу положение) и был политически подконтролен ЦК КП(б)Б (что бюро ЦК официально засвидетельствовало своим постановлением 17 декабря 1926 г.).¹⁶ Из Москвы в Главлитбел регулярно приходили циркуляры, в которых перечислялись запрещенные для публикации сведения: о военном бюджете, работе Госплана, алмазном фонде, повышении цен, иностранных концессиях, Соловецком концлагере ОГПУ и др. С 1922 по 1927 гг. Главлитбел работал на основе финансовой самоокупаемости. Выдача разрешений и просмотр рукописей были платные – за эти «услуги» издательства, учреждения и частные лица вносили плату в размере 1 рубль за просмотр одного печатного листа, а также гербовый сбор.

Во время создания цензурного ведомства деятельность Главлитбела носила относительно либеральный характер. В то время задачей цензоров, не менее важной чем запреты и изъятия, считалась разъяснительная работа, поиск компромисса с авторами. Об этом свидетельствует его решение от 9 ноября 1922 г. относительно выпуска грамматики Я. Лесика: «Впереди текста крупными жирными буквами на цветной бумаге отметить (в предисловии и послесловии), что оно, то есть издательство, принципиально не согласно с идеями, которые проводит автор». Но, со временем либеральные подходы уступили место жестким запретам. Это можно проследить на примере цензурных судеб книг и учебников того же автора, по которому в 1920-е гг. училась вся республика. Книга «Автономия Беларуси» была запрещена к распространению 26 декабря 1922 г. как «шовинистического характера». Книга «Наш источник» запрещена к распространению 9 февраля 1923 г. как «выдержанная в религиозно-шовинистическом духе». В рукописи учебника «Белорусский язык. Правописание» в июле 1923 г. было сделано более 60 цензурных правок, а его второе издание было разрешено после более чем 140 правок. Рукопись учебника «Синтаксис» был разрешен к печати 27 марта 1924 г. после 80 правок. Статья «Основной мотив в творчестве М. Богдановича» 22 нояб-

15 Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ), ф. 42, оп. 1, д. 134, л. 1.

16 Перед крутым поворотом: тенденции в политической и духовной жизни Беларуси (1925–1928 гг.). Отражение времени в архивных документах / Авт.-сост. Р.П. Платонов и др. Под редакцией Р.П. Платонова. Минск: БелНИИДАД, 2001. С. 178.

ря 1924 г. была признана «вредной, проводящей контрреволюционные идеи».¹⁷

Школьные учебники по вполне понятным мотивам вызвали особую озабоченность цензуры. Перед поступлением в Главлитбел, рукописи учебников должны были быть одобрены научно-методическим комитетом Наркомпроса и отделом печати ЦК. Понимая свою ответственность за формирование национального и исторического сознания детей, чиновники Главлитбела стремились избежать даже малейшего упущения во время читки рукописей учебников.

В 1925 г. Главлитбел запретил печатать четвертое издание учебника «Краткий курс географии Беларуси» А. Смолича, который впервые увидел свет в Вильно в 1919 г. По этому запрету П.Л. Орешников подготовил специальное донесение в ЦК. В нем мы находим подробный перечень политических ошибок автора, а также предложение, которое было бы невозможно уже через несколько лет – обсудить на коллегии Главлитбела вопрос о трактовке государственных границ Беларуси в печати.¹⁸ В феврале 1926 г. Главлитбел запретил использование в учебных заведениях БССР учебника М.В. Азбукина «География Европы», изданное в Белгосиздате в 1924 г.¹⁹ В 1929 г. из рукописи «Белорусского правописания» Я. Лесика после его обсуждения на коллегии Главлитбела исчезло следующее: «В родном краю как в раю», «В старину на Беларуси были церковные братства», «Занимай Беларусь молодая моя, свое почетное место между славянами», «Не ищи ты счастья-доли в чужом далеком поле», «До Великой Российской Революции в Беларуси была партия – Белорусская социалистическая громада», «Как ты бедна, как ты темна, родная сторона», «Белорусские бояре с интересом смотрели на польских магнатов, им нравились привилегии и права польской знати», «Климент Смолятич (жил в XVII веке) – общественный деятель, политик и философ», «Родную песню тихо поет сын Беларуси – мужик».²⁰

Зоной повышенного внимания были научно-популярные книги общеобразовательного содержания, адресованные широкому малограмотному читателю, преимущественно крестьянам. После обсуждения в 1925 г. в Главлитбеле рукописи сборника М. Байкова и С. Некрашевича под названием «Наша сила – нива да пашня», из находящегося в нем рассказа «Что дала Советская власть рабочим» исчезли следующие предложения: «В настоящее время рабочие начали работать не на фабрикантов, а на весь народ. У них 8- часовая рабочая неделя и никто не вправе заставлять их работать больше 8 часов в сутки. Рабочие, которые уже не могут работать, получают от государства денежное пособие. Пособие выдается также

17 НАРБ, ф. 4-п, оп. 1, д. 1964, л. 3.

18 НАРБ, ф. 4-п, оп. 1, д. 1280, л. 169.

19 НАРБ, ф. 4-п, оп. 1, д. 1569, л. 3.

20 НАРБ, ф. 4-п, оп. 1, д. 2332, л. 35.

безработным». Из рассказа «Кто управляет нашей Республикой» исчезло предложение «Называется она Республикой потому что в ней власть принадлежит не к одной какой-либо личности, как например, царю, или королю, а всему народу». Из рассказа «Красная армия» – фраза «Служба в Красной Армии на один год короче чем в царской армии». Из фразы «... как защититься от панов и богачей, как уничтожить войну, как добиться земли и воли» в рассказе «Праздник первого мая» исчезли последние четыре слова. Из стихотворения Я. Купалы «Беларусь» убрали строки «Все это Беларусью зовется и нам принадлежит».²¹

Интеллектуальную атмосферу, которая царил в цензурном ведомстве передают правки, внесенные в произведения белорусских авторов, принятые к печати в 1923 г. Так, «Начальную географию» М.А. Громько разрешили печатать с условием, что строчки «о любви к Родине» будут вычеркнуты, и наоборот, будет добавлено, что «кроме белорусов – католиков и православных есть еще белорусы-атеисты (они – наиболее сознательные)». От автора потребовали слова «демократические свободы» взять в кавычки, потому что они используются для одурачивания рабочих.²² Пуританизм советской цензуры был доведен до абсурда. В 1926 г. работа А.К. Сержпутовского «Пословицы и поговорки белорусов» была разрешена к печати в издательстве Института белорусской культуры при условии изъятия из нее «ряда порнографических высказываний».²³

Отказ от идеи НЭПа и переход к «большому скачку» в виде индустриализации и коллективизации привел к росту оппозиционных Сталину настроений как в руководящем составе партии, так и в непартийных структурах. Сталин боролся с либеральной идеологией двумя способами: репрессиями и установлением тотального партийного контроля над всеми формами информационного обеспечения общества.

Усиление контроля над идеологической сферой жизни в СССР на границе 1920–30-х гг. обусловило увеличение объема работы, которую выполняло цензурное ведомство, а также изменения в его структуре и деятельности. Начиная с этого времени и до конца рассматриваемого периода десятки директив и распоряжений требовали от цензуры усилить бдительность, дисциплину и качество работы. 5 октября 1930 г. СНК РСФСР принял постановление «О реорганизации Главлита», которое было продублировано СНК других республик. В этом документе были официально закреплены новые полномочия цензурного ведомства, которыми он владел по сравнению с 1922 г. На Главлит возлагалась «общее руководство всеми видами контроля политико-идеологического, военного и экономического», что пересекалось с прерогативой культпропотдела ЦК. Контроль его распространялся не только на рукописи и напечатан-

21 НАРБ, ф. 4-п, оп. 1, д. 2332, лл. 23–24.

22 НАРБ, ф. 42, оп. 1, д. 134, лл. 5, 8, 9.

23 НАРБ, ф. 4-п, оп. 1, д. 2354, л. 183.

ные произведения, картины, фотографии и т. д., но и на радиовещание, лекции и выставки. При государственных и общественных издательствах, радиовещательных организациях, телеграфных агентствах, почтамтах и таможах вводились должности уполномоченных Главлита, которые осуществляли предварительный контроль и содержались за их счет. Таким образом, к 1930 г. Главлит значительно расширил свои функции, зафиксированные в декрете СНК РСФСР 1922 г. Сейчас основным звеном предварительного контроля над печатной продукцией стал институт уполномоченных, которые назначались Главлитом по согласованию с ЦК.

15 августа 1931 г. секретариат ЦК КП(б)Б принял постановление «Об усилении работы Главлита по политконтролю за выпускаемой периодической и непериодической печатью». Этот документ дублировал соответствующее постановление Политбюро ЦК ВКП(б) и был посвящен преимущественно регламентации процедуры предварительного цензурного контроля. Теперь предварительный контроль официальных правительственных документов, а также материалов, которые касались обороны, международных отношений, экспорта-импорта, транспорта, связи осуществлялся центральным аппаратом Главлитбела, уполномоченными Главлитбела, либо политредакторами при издательствах и типографиях, райуполномоченными в тех районах, где были типографии. Вышеперечисленные материалы принимались к печати при условии наличия двух виз – наркома либо руководителя ведомства и Главлита. За нарушение этих правил вводилась партийная и уголовная ответственность. Этим же постановлением главы республиканских ведомств обязывались ежемесячно отправлять в Главлитбел перечни сведений, которые являлись государственной тайной. На их основе цензоры ежеквартально обновляли списки сведений, запрещенных к печати.²⁴

Главлитбел – Главлит и ОВЦ БССР в течение 1930-х гг. осуществлял трехуровневую цензуру – предварительную, последующую и конфискационную. Предварительная цензура сводилась к прочтению рукописи и внесению в нее изменений. Последние фиксировались в паспорте, который заводился на каждое произведение. Один исправленный машинописный экземпляр произведения оставался в делопроизводстве Главлитбела, другой – возвращался редакционному редактору и после согласования с автором возвращался в Главлитбел, откуда, после получения разрешительной визы, направлялся в типографию. Таким образом, возможности личных контактов между цензором и автором в 1930-е годы были полностью исключены. Цензоры превратились в мифические законспирированные фигуры, на которые можно было устно сослаться, но которых никто не видел. Местные литы регулярно отсылали в Минск сводки най-

24 НАРБ, ф. 4-п, оп. 1, д. 5126, лл. 243–244.

денных и исправленных ошибок и искажений, а Главлит БССР направлял их в обобщенном виде в Главлит РСФСР и республиканскому партийному руководству.

В директивных документах Главлита многократно отмечалась важность предварительной проверки информации, предназначенной для широкого распространения. Однако контролю материалов на последующем уровне уделялось особое внимание. Для его проведения привлекались наиболее опытные и образованные сотрудники. Цена ошибки цензоров, которые осуществляли последующую цензуру был слишком высок. С морально-политической точки зрения она означала публичное пятно на мундире ведомства, а с экономической – расходы, связанные с задержкой и конфискацией тиража. Стремлением избежать подобной роковой ошибки объясняется категорический запрет главлитовского начальства осуществлять одним лицом предварительную и последующую цензуру. А с 1935 г. последующий контроль осуществлялся уже не по сигнальным экземплярам готовых тиражей книг, журналов и др., а по подписанным редактором и цензором листам верстки. Несмотря на все эти меры предосторожности, в условиях политических репрессий второй половины 1930-х гг. и появления все новых «врагов народа», конфискации тиражей продолжались.

Цензура становится всеобъемлющей, тотальной, она становится составной частью сознания всего советского общества – от полуграмотного колхозника до партократа высокого уровня. Одной из ярких проявлений цензурного мышления было появление добровольных цензоров, которые сигнализировали наверх о политических ошибках, которые, по их мнению, проскальзывали на страницы печатной продукции и в радиопередачи. Однако, деятельность цензоров-любителей, которая часто приобретала параноидальные формы, как правило, не находила поддержки у профессионалов. В марте 1938 г. начальник Сиротинского райлита Витебской области докладывал начальнику Главлита и ОВЦ БССР о дискуссии районного партийно-комсомольского актива, организованной двумя местными партийным и советским функционерами низового уровня. Ее темой было качество печатания портретов партийных и советских вождей на листах отрывного календаря на 1938 г. В частности, организаторы дискуссии утверждали, что на портрете Ленина, находящемся на листе от 22 апреля галстук напоминает голову собаки, на листе от 5 мая Сталин курит две трубки, на листе от 8 ноября, где показаны Ленин и Сталин, Сталин закрывает рот рабочему. Оценивая эти интерпретации как проявления психических надломов людей, которые жили в разгар сталинских репрессий, отметим в их защиту, что качество советской массовой печати 1930-х гг., которая значительно уступала не только зарубежной, но и российской дореволюционной полиграфии, давало повод для домыслов. Неизвестно, как проходила дискуссия, поддержали ли ее участники бдительность организаторов, либо, наоборот осудили их. Известно лишь то,

что начальник Сиротинского райлита охарактеризовал любительские интерпретации календарных листов как «контрреволюционную ложь», а поведение организаторов обсуждались на бюро райкома.²⁵

В ноябре 1933 г., после создания института Уполномоченного СНК СССР по охране военных тайн в печати ведомство получило название Управления Уполномоченного СНК СССР по охране военных тайн в печати и начальника Главлита. В БССР Главлитбел был переименован в Главлит и Отдел военной цензуры (ОВЦ) БССР при Уполномоченном СНК СССР. Главлит запрещал распространять сведения военно-технического характера и раньше. Первый всесоюзный перечень военных сведений, запрещенных к печати был принят им в 1924 г. Он запрещал печатать не только сведения о названиях и объеме производства, численности рабочих и административно-технического персонала, транспортных коммуникациях и географических объектах, но и те, из которых можно было извлечь вышеупомянутые сведения путем логических размышлений, сопоставлений или через подсчет. Тогда же ЦК ВКП(б) принял решение о выведении Главлитов РСФСР и союзных республик из состава Народных комиссариатов просвещения и подчинении их непосредственно СНК СССР. Эти структурные преобразования отражали две тенденции тогдашнего общественно-политического развития страны – ее военизацию и централизацию усилий по установлению единomyслия.

С 1 июня 1935 г. по указанию наркома обороны в армии и на флоте было введено новое положение «Об организации военной цензуры в Рабоче-крестьянской Красной армии». Таким образом, была воссоздана центральная военная цензура (8-й отдел регистрационного управления РККА) в рамках армии, которая раньше находилась в составе органов госбезопасности. Политконтроль ОГПУ по-прежнему наблюдал за работой типографий, книжных магазинов, театров, кинотеатров, просматривал иностранную и вывозимую за границу полиграфическую и кинопродукцию, а также проверял корреспонденцию иностранцев, почтовые отправления до востребования, корреспонденцию конкретных лиц по оперативным спискам.

В 1935 г. после реорганизации работы Радиокomiteта БССР при нем была создана самостоятельная цензорская группа с уполномоченным Главлита и ОВЦ БССР для осуществления предварительного контроля над радиовещанием. Центральному аппарату Главлита и ОВЦ БССР была поручена последующая цензура центральных радиопередач и руководство контроля низового местного радиовещания. Отдельный уполномоченный Главлита и ОВЦ БССР появился также в Коммунистическом институте журналистики. К 1936 г. относятся первые сведения об организации политического контроля за музейными экспозициями и выставками, что в послевоенное время станет неотъемлемой частью работы Главлита.

25 НАРБ, ф. 4-п, оп. 1, д. 13152, л. 21.

9 августа 1938 г. Главлит РСФСР разослал по Главлитам союзных республик циркуляр № 1036, который предлагал им подготовить переход цензуры с мирного времени на военное, что предусматривало закрытие одних периодических изданий и увеличение тиража других. Этот мобилизационный план был подготовлен по согласованию с отделом пропаганды и агитации ЦК КП(б)Б.²⁶

ЦЕНЗОРСКИЕ КАДРЫ

9 ноября 1922 г. Наркомпрос БССР утвердил положение и штаты Главлитбела в составе председателя (Р.К. Шукевич-Третьяков²⁷), заместителя (сотрудник ГПУ), члена (представитель военного ведомства) и секретаря. Была сформирована коллегия Главлитбела в составе 31 человека, работавших по совместительству и собиравшихся несколько раз в месяц. В нее вошли известные белорусские ученые, литераторы, деятели искусства, в т. ч. А.В. Балицкий, В.М. Игнатовский, С.М. Некрашевич, Д.Ф. Жилунович (Тишка Гартный), В.И. Пичета, Н.М. Никольский и др. Для контроля за работой коллегии в ее состав включили представителя ЦК КП(б)Б. На них возлагалась ответственная задача ознакомления с поступающими на цензурирование материалами соответственно своей специальности и их представление на заседании коллегии. Следует отметить, что все члены коллегии Главлитбела были перегружены своей основной работой и не могли существенно влиять на работу цензурного органа. Но даже ограниченное участие лучших представителей науки и культуры обеспечивало компетентность, вносило элемент демократизма в эту работу.

Уже с 1922 г. началось создание низовых цензурных органов. На заседании коллегии Главлитбела 21 ноября 1922 г. были утверждены инструкции уездным представителям цензурного ведомства. К сожалению, сведений об их работе не сохранилось. После первого укрупнения БССР и введения в 1924 г. в республике нового административно-территориального деления, организационная структура Главлитбела приобрела

26 НАРБ, ф. 4-п, оп. 1, д. 14763, л. 1.

27 Шукевич-Третьяков Родион Константинович (1893–1942), родился в д. Новины Минского уезда, государственный и политический деятель, журналист. С 1918 г. находился на советской работе, в 1919–21 гг. в Красной Армии – боец, политработник, редактор газеты. С 1922 г. работал в Главполитпросвете, Главлите (1922–1924), являлся секретарем Минского уездного комитета КП(б)Б. С 1924 г. – редактор газеты «Белорусская деревня». В 1931–32 гг. – председатель Всебелорусского комитета радиовещания, в 1932–36 гг. работал научным сотрудником Института философии, заведующим массового сектора Белорусской Академии Наук. После исключения из партии в 1935 г. – методист шахматного клуба Комитета по делам физкультуры и спорта при СНК БССР. 18 августа 1938 г. арестован, 9 февраля 1940 приговорен к 5 годам исправительно-трудовых лагерей. Умер во время заключения в Северо-Восточном лагере. Реабилитирован в 1956 г.

следующий вид: центральный аппарат в Минске – окружные отделы (окрлиты) – районные уполномоченные. Если кандидатуры на должность председателя Главлитбела обсуждались в высшем партийном руководстве республики, то руководители низовых литов назначались соответствующими партийными комитетами по представлению Главлитбела и после согласования с органами ГПУ. Круг обязанностей окрлита позволяет реконструировать мандат заведующего оршанского окрлита, который приводится ниже:

«Имеет силу до 30 августа 1926 г.

Мандат

этот выдан тов. Храменкову Г.И. в том, что он действительно является заведующим Оршанского окружного отдела по делам литературы и издательства (Окрлит) вследствие чего на тов. Храменкова возлагается:

- 1) ведение политического контроля как предварительного, так и последующего над всеми типографским произведениями, выходящих в свет в рамках оршанского округа.
- 2) контроль над всеми типографиями, библиотеками, книжными магазинами как государственными, так и частно-гражданскими.
- 3) контроль над репертуаром театров, кино, концертов, клубов (как военных, так и гражданских) и разного рода зрелищ.

Вследствие вышеупомянутого тов. Храменкову предоставляются следующие права:

- а) беспрепятственный вход во все упомянутые выше места, причем администрация последних должна представлять по первому требованию т. Храменкова все необходимые для контроля сведения и материалы.
- б) изъятие из употребления различных книг и печатных произведений, распространение которых не разрешается по закону.
- в) запрет и закрытие всякого рода зрелищ, если со стороны последних будут допущены какие-либо нарушения.

Органам Рабоче-Крестьянской милиции надлежит оказывать т. Храменкову всякую помощь при исполнении им служебных обязанностей.

Вышеупомянутое подписью и прилагаемой печатью свидетельствуется.

Основание: Постановление СНК БССР от 5/I-23 г. Свод законов № 1–2. в. 7

Зав. Главлита БССР Орешников
Секретарь Судник». ²⁸

Анкетные данные оршанского окрлита Г.И. Храменкова отсутствуют. Но, в фонде Наркомпроса в Национальном архиве Республики Беларусь сохранились анкеты уполномоченных Главлитбела по районам оршанского округа. Это были люди со средним и неоконченным средним

28 НАРБ, ф. 42, оп. 1, д. 1570, л. 15.

образованием, преимущественно партийные и советские функционеры низшего уровня, которые выполняли цензорские обязанности на общественных началах. Они выделялись на местах райкомами партии и проходили подготовку в виде инструктажа в окрлите.

К концу 1924 г. персональные и структурные изменения произошли и в центральном аппарате Главлитбела. Р.К. Шукевича-Третьякова в должности председателя (в дальнейшем эта должность будет называться «начальник») сменил П.Л. Орешников.²⁹ Надежды на то, что ученые и национально-культурные деятели старой формации, из которых преимущественно состояла первая коллегия Главлитбела будут эффективно выполнять цензорские обязанности не оправдались. Тогда в Главлитбеле появилось двадцать должностей политредакторов, десять из которых были прикомандированы к республиканским газетам, десять работали с литературой по следующим направлениям – экономика, техника, сельское хозяйство, кооперация, медицина, история, обществоведение, искусство, беллетристика. Все они работали по совместительству, получая гонорары за каждый просмотренный печатный лист. На должности политредакторов, которые теперь вместо членов коллегии выполняли всю черновую, подготовительную работу, которая предшествовала решению Главлитбела о запрещении или разрешения публикации назначались уже преимущественно молодые партийные и комсомольские выдвиженцы.³⁰ В последующие годы количество литературных политредакторов (которых будут называть уже «политконтролёрами») увеличивалось с одновременным уменьшением количественного состава коллегии.

В октябре 1927 г. Наркомпрос разработал новое положение о Главлите, согласно которому в его коллегиях³¹ входило пять человек (заведующий Главлитбела, которым стал И. Д. Гурский,³² секретарь, а также представители отдела печати ЦК КП(б)Б, ГПУ и Белорусского военного

29 Орешников Павел Леонидович, 1894 года рождения, русский, уроженец г. Севастополя, происходил из мещан. До начала и в первые годы I мировой войны работал журналистом, служил в армии, в 1918 г. демобилизован в чине подпоручика. В 1917–18 гг. являлся членом партии левых эсеров. По окончании трех курсов юридического факультета Ленинградского государственного университета с 1922 г. работал в газете «Правда». После партчистки 1923 г. «вышел из членов ВКП(б) по состоянию здоровья». В декабре 1924 г. был направлен в БССР на должность начальника Главлитбела. В 1926 г. одновременно работал литературным сотрудником журнала «Полымя».

30 НАРБ, ф. 42, оп. 1, д. 1800, л. 184.

31 Последнее документальное упоминание про коллегия Главлитбела, которая символизировала связь советской цензуры с обществом, ее общественную потребность датируется 1931 г.

32 Гурский Илья Данилович (1899–1972) стал начальником Главлитбела в марте 1927 г. Родился в д. Замостье Игуменского уезда Минской губернии в крестьянской семье. После окончания народной школы батрачил, работал подсобным рабочим, кочегаром. Член ВКП(б) с 1919 г., в 1919–1924 гг. – в Красной Армии. С 1924 г. – сотрудник Главлитбела. 17 апреля 1930 г. был освобожден от должности заведующего Главлит-

округа), а количество политредакторов возросло за счет новых направлений – естествознания, философии, педагогики, правоведения, военного дела, партийной, антирелигиозной и детской литературы, а также литературы на иностранных языках.³³ В этом перечне отметим появление в сфере деятельности Главлитбела нового цензурного направления – партийной литературы, которая согласно постановлению СНК БССР «О Главлитбеле» 1923 г. не подлежала главлитовской цензуре. Постановлением секретариата ЦК КП(б)Б от 11 ноября 1929 г. в штате Главлитбела были введены две новые единицы инструкторов по делам печати, а также увеличена оплата труда политредакторов, кандидатуры которых теперь утверждались в секретариате ЦК.³⁴ В 1928 г. в среднем в месяц секретарь Главлитбела подписывал разрешения на издание 60 книг общим объемом 12, 5 тыс. страниц, на осуществление 180 театральных и кино постановок, на выход 450 номеров газет, на помещение в витрины ателье 30 фотографий. Кроме того, цензоры Главлитбела давали разрешение на вывоз за пределы СССР книг, картин и др., а также экстренные разрешения и консультации.³⁵

Отбор сотрудников для работы в Главлите после «великого перелома» можно сравнить только с аналогичным отбором в органы госбезопасности. Если первыми начальниками Главлита в 1920-е гг. назначались журналисты, проверенные на работе в коммунистических изданиях, то в 1930-е гг. цензурой руководили бывшие политработники, комсомольские работники, военные, которые имели пролетарско-крестьянское происхождение (преимущественно крестьяне, которые прошли обкатку в городской среде) и неоконченное среднее или среднее образование. Кандидатуры начальников Главлитбела (как и наиболее важные вопросы работы ведомства) обсуждались на заседаниях бюро ЦК КП(б)Б. В идеале все цензоры были должны быть членами партии, по крайней мере кандидатами в ней, молодые – членами комсомола. Во время исполнения служебных обязанностей они были должны руководствоваться не только перечнями сведений, не подлежащих публикации и классовой бдительностью, но также следить за публикациями «Правды» и других партийных изданий. Не подходили лица, которые имели партвызыскания, находились под следствием, или имели родственников за границей. Ру-

бела и назначен на должность председателя Главискусства БССР. В 1932 г. окончил литературно-лингвистическое отделение Белорусского государственного университета, в 1932–35 гг. аспирант Белорусской Академии Наук, в 1935–41 гг. – редактор газеты «Литература и искусство». В годы Великой Отечественной войны – фронтовой журналист. В послевоенное время редактировал журнал «Беларусь» (1944–1960 гг.), член Союза писателей БССР, заслуженный деятель культуры БССР. Его именем в Минске названа одна из улиц.

33 НАРБ, ф. 4-п, оп. 1, д. 4192, л. 8.

34 НАРБ, ф. 4-п, оп. 1, д. 4339, л. 7.

35 НАРБ, ф. 42, оп. 1, д. 1907, л. 1.

ководство Главлитбела добилось освобождения цензоров от обязательной военной службы и других мелких привилегий. Сотрудники центрального аппарата Главлитбела входивших в номенклатуру ЦК, а с 1937 г. цензоры всех уровней были включены в номенклатуру партийных органов соответствующего уровня.

Нужно отметить что жизнь вносила значительные коррективы в кадровую политику, которая проводилась партийным руководством в отношении цензурного ведомства. После И.Д. Гурского, в 1930 г. Главлитбелом непродолжительное время руководил некий Якшевич. Фрагментарные сведения о его деятельности на этом посту имеются в письме председателя ГПУ БССР Р.Я. Раппопорта второму секретарю ЦК КП(б)Б И.А. Василевичу, датированном 8 апреля 1930 г.: «В процессе наблюдения за Главлитом и совместной с ним работы, мы окончательно убедились, что заведующий Главлитом тов. Якшевич в дальнейшем удерживаем на этой работе быть не может. К делу относится очень халатно, работает небрежно, без всякой заинтересованности и инициативы, времени главлитовской работе уделяет мало, хотя другими обязанностями не загружен. В Главлите застать его можно изредка, из-за чего со стороны клиентуры этого учреждения имеются совершенно справедливые нарекания. Чрезмерно злоупотребляет спиртными напитками, на что у него уходит большая часть рабочего времени. Благодаря этому, в глазах многих, кто имел дело с Главлитом, авторитет Якшевича сильно подорван. Исходя из этого, мы просим возможно скорее Якшевича с работы в Главлите снять. Наиболее подходящим кандидатом на его место мы считаем работника Главлита тов. Гурского, как имеющего в этой работе достаточный опыт, удовлетворительно развитого и вполне выдержанного».³⁶ И.А. Василевич в своем ответе Р.Я. Раппопорту предложил подобрать другую кандидатуру, потому что И.Д. Гурский, возглавлявший Главлитбел с 1927 г. уже был назначен на то время председателем Главискусства БССР и членом коллегии Наркомпроса. 16 октября 1931 г. бюро ЦК назначило заведующим Главлитбела Ефима Израилевича Синицкого, также введя его в состав коллегии Наркомпроса БССР. До этого Е.И. Синицкий работал в Главполитпросвете, который прекратил свое существование в 1930 г.

Письмо Р.Я. Раппопорта и реакция на него интересны не столько описанием морального облика главного цензора республики (хотя факт назначения на эту ответственную должность любителя Бахуса дает представление о кадровом дефиците в разгар арестов по делу «Союза освобождения Беларуси»³⁷), сколько тем, что он показывает механизм назначения главы цензурного ведомства. Кандидатуры на должность заведующего

36 НАРБ, ф. 4-п, оп. 1, д. 4720, л. 25.

37 «Союз освобождения Беларуси» – политическое дело, сфабрикованное ГПУ БССР в 1930 г. против деятелей белорусской науки и культуры. В общей сложности по делу было арестовано 108 человек.

Главлитбела предлагало руководство ОГПУ-НКВД, после чего они утверждались (либо не утверждались) бюро ЦК. А начиная с ноября 1931 г., после постановления Политбюро ВКП(б) «О немедленном усилении аппарата Главлита», ЦК КП(б)Б стал утверждать также кандидатуры рядовых сотрудников центрального аппарата Главлитбела.³⁸

Пребывание в составе партийной номенклатуры давало определенные льготы, но не избавляло от главной бытовой проблемы горожан того времени – нехватки жилья. В докладе начальника Главлита БССР первому секретарю ЦК КП (б) Б П.К. Пономаренко, подготовленном в августе 1938 г. читаем: «Работники центрального аппарата цензуры БССР находятся в таких условиях, что я 2 года жил вообще без квартиры, а сейчас уже год живу в помещении бывшего магазина – просто сарай; заместитель по Военной цензуре вообще не имеет квартиры, а живет за городом на расстоянии в 4 км в военной части и там ему неоднократно предлагали выселяться. Также живут без квартир и ряд работников цензуры».³⁹

Партийное руководство в качестве идеального цензора видело молодого партийного выдвиженца, который имел высшее образование и хотя бы небольшой стаж пропагандистской, журналистской или педагогической работы. Вот некоторые выдержки из характеристик на сотрудников: «Розин – справляется хорошо, теоретически подготовлен, зачислен аспирантом Института истории партии, что значительно препятствует его работе по политконтролю. Каган – проявляет очень слабую заинтересованность к этой работе, невнимательный, нет нужных темпов в работе. Изох – общая подготовка совершенно достаточна для контроля за газетами. Работой заинтересован, внимательный, ответственный. Недостаточно работает над собой в смысле теоретической подготовки».⁴⁰

3 февраля 1933 г. в «Правде» появилась статья, написанная минским корреспондентом газеты о вылазках белорусских национал-демократов, перепечатанная с разрешения Наркомпроса БССР на страницах белорусской периодической печати. Этот материал вызвал специальное постановление бюро ЦК КП(б)Б, согласно которому отдел культуры и пропаганды ленинизма обязывался усилить контроль над всей печатной продукцией и провести проверку кадрового состава Главлитбела, а также государственного издательства. Постановление вводило персональную ответственность автора, редактора и издателя за издаваемую продукцию, обязательные предварительные редакторские политрецензии, регулярные совещания политредакторов. Отдельный пункт требовал провести проверку книг и журналов, изданных в БССР в 1931–33 гг. «...с учетом умения классового врага маневрировать, маскироваться».⁴¹

38 НАРБ, ф. 4-п, оп. 1, д. 5129, л. 324.

39 НАРБ, ф. 4-п, оп. 1, д. 13152, л. 52.

40 НАРБ, ф. 4-п, оп. 1, д. 5029, лл. 245–250.

41 Зьвязда. 1933. 3 сакавіка.

Тогда же под огонь публичной уничтожающей критики попал Главлитбел. Главная партийная газета республики писала: «Главлит не выполнил директив партии, он не справился с теми задачами, которые на него возложены... Шляпы, которые сидели в Главлите, копались в мелочах, искали классового врага на плакатах и не заметили открытых выступлений его. Притушение партийной бдительности доходило до анекдотических фактов. Уполномоченный Главлита Войтюшеня в произведении [рассказ “Клюква” М. Никоновича. А.Г.] обратил внимание на то, что описывая процесс работы на строительстве Никонович привел такой образ, что рабочий стоял в трусиках и бил молотом по железу. Войтюшеня... пришел к заключению, что это... контрреволюция. “Неужели у нас так плохо поставлено рабочее обеспечение, – заявляет Войтюшеня, что рабочий не имеет штанов”, – вот по каким идиотским причинам он был противником издательства “Клюквы”. Предварительный контроль Главлита по всем без исключения типографиям не соответствует элементарнейшим требованиям. Можно было бы привести ряд фактов, когда в целом ряде многотиражек, отдельных мелких изданиях и т. д. с санкции Главлита протаскивались просто контрреволюционные вещи ... Во главе руководства Главлитом стоял “коммунист” [имеется в виду Я.И. Сеницкий. А.Г.], который не оправдал доверия партии – потерял классовую бдительность. Этот человек подобрал в аппарат Главлита некоего Гарбуза, который фактически руководил всей работой Главлита в области художественной литературы... за последние 6–7 месяцев ячейка и коллегия НКО ни разу не заслушали доклад работников Главлита».⁴² Авторы этой разгромной статьи также вспомнили Главлитбелу пропуск в печать шестого тома собрания сочинений Я. Купалы, а также ряда произведений белорусских писателей С. Барановых, М. Никоновича и А. Сидоренко-Пеночкина.

В условиях массовых репрессий против интеллигенции БССР по делу «Белорусского национального центра»,⁴³ партийное и советское руководство республики сделало ряд шагов, направленных на организационное и кадровое усиление Главлитбела. 26 ноября 1933 г. постановление об улучшении работы Главлита принимает ЦК КП(б)Б. Сразу же за ним 4 и 23 декабря 1933 г. появляются два постановления СНК БССР, посвященные организации предварительной цензуры и последующего контроля по охране гостайн в печати. Наконец 3 апреля 1934 г. ЦК КП(б)Б и СНК БССР приняли совместное постановление «Об усилении охраны государственных тайн в печати БССР», где в констатирующей части сообщалось о недоукомплектованности аппарата Главлита и ОВЦ БССР, отсутствии цензуры изданий на языках нацменьшинств, слабом привле-

42 Зьвязда. 1933. 3 сакавіка.

43 «Белорусский национальный центр» – «шпионско-диверсионная контрреволюционная организация», придуманная в 1933 г. руководителями представительства ОГПУ по БССР с целью уничтожения белорусской национальной интеллигенции.

чении к политконтролю научно-партийного актива. Отмечалось также плохое состояние контроля за районными типографиями. Из 20 штатных должностей районных цензоров были заняты только 7, причем некоторые из них были беспартийные, имели партвзыскания, принадлежали ранее к другим политическим партиям. К тому же условия работы районных цензоров были очень сложные. В распорядительной части постановления говорилось о необходимости срочного укомплектования центрального аппарата цензурного ведомства, всех штатных должностей райлитов, а также совместителей, которых надо было искать среди уполномоченных ОГПУ и райвоенкомов (ни в коем случае – ни в редакции или в типографии). Совместители, по замыслу авторов постановления, назначались в 51 районе БССР, где местные газеты издавались небольшими тиражами.⁴⁴

2 июня 1934 г. вновь назначенный главный цензор республики С.А. Давидович⁴⁵ докладывал своему шефу – заведующему отделом пропаганды ленинизма и массовой агитации ЦК Д.Ю. Конику о том, что из 24 районов, где должны работать штатные цензоры, последние имеются только в 11, а из 51 района, где цензоры были должны работать по совместительству – имеются только в 4-х. Это означало, что постановление партии и правительства от 3 апреля 1934 г. фактически не было выполнено.⁴⁶ Можно предположить, что доклад С.А. Давидовича обусловил принятие 22 июля 1934 г. нового постановления ЦК КП(б)Б «О работе цензуры в печати», которое было направлено на улучшение работы цензоров низового уровня. Вскоре осенью того же года С.А. Давидович организовал широкомасштабную проверку исполнения этого постановления райлитами с выездом на места. Проверка показала, что в Бешенковичах, Сураже и Чашниках райлитов не было вообще. В большом количестве районов штатные и внештатные цензоры не соответствовали занимаемым должностям. В большинстве районов у них отсутствовали заместители. В отчете С.А. Давидовича читаем: «В Чериковском районе райлитом до последнего времени был заведующий районо т. Черняков. Никакого контроля над

44 НАРБ, ф. 4-п, оп. 1, д. 6902, л. 410.

45 Давидович Залман Аронович был назначен начальником Главлита и отдела военной цензуры БССР в мае 1934 г. Родился в 1903 г. в Бобруйском уезде Минской губернии в семье приказчика, в годы I мировой войны работал приказчиком на лесозаготовках. Окончил хедер и первый курс технического училища. С 1921 г. находился на комсомольской работе, занимался политпросветработой. Член ВКП (б) с 1924 г., в 1928 г. был инструктором отдела печати ЦК КП(б)Б, в том же году командирован на учебу в Коммунистический институт журналистики. Решением бюро ЦК КП(б)Б от 20 августа 1936 С.А. Давидович был снят с должности начальника Главлита «за связь с троцкистами». Тогда же был исключен из партии. Арестован в августе 1938 г. осужден к 8-летнему сроку лишения свободы, который отбывал во Устьвымлаге (Коми АССР). В 1948 г. арестован повторно и выслан на спецпоселение в Красноярский край, откуда освобожден в 1954 г. Реабилитирован в 1955 г.

46 НАРБ, ф. 4-п, оп. 1, д. 6898, лл. 105–107.

райгазетой и другой печатью не осуществлял. Директивы Главлита о конфискации не выполнены... С директивными материалами Главлита ознакомился поверхностно, их не усвоил». ⁴⁷ Подобная ситуация сложилась также в Шкловском, Оршанском, Любанском, Кричевском, Толочинском, Логойском, Паричском районах. По результатам проверки Д.Ю. Коник направил секретарям райкомов циркулярное письмо, в котором в деталях проговаривал субординацию служебных взаимоотношений между редакторами газет, райлитами и секретарями райкомов партии. Письмо закрепляло полную подчиненность редакторов цензурному ведомству, но партийные идеологи пока еще позволяли газетам, как и в предыдущие годы обжаловать уже выполненные ими замечания цензоров в партийных органах. ⁴⁸

В январе 1935 г. ЦК КП(б)Б и СНК БССР приняли совместное постановление «Об усилении военной цензуры в печати БССР», в котором речь также преимущественно шла об укреплении кадрового потенциала цензурного ведомства. ⁴⁹ По мнению авторов постановления, наиболее слабым звеном в его работе, по-прежнему был контроль за печатными материалами на низовом, районном уровне. Кандидатуры цензоров должны были подбираться из «проверенных партийцев» руководителями соответствующих райкомов партии и райисполкомов. ⁵⁰

К началу 1937 г. усилиями партийных и советских органов организационная структура Главлита – ОВЦ БССР укрепились. Штат центрального аппарата расширился с 13 до 37 человек, содержание которых обходилось бюджету республики в 139 тыс. рублей в год (назначенный в январе того же года начальник Главлита БССР И.Л. Ахрамович ⁵¹ получал 700 руб. в месяц, что соответствовало месячному заработку рабочего-стахановца или лейтенанта Красной Армии). Услуги цензоров были платные – примерно третью часть этой суммы возвращалась в бюджет в виде оплаты за цензорские услуги. Появились новые отделы – военной и зарубежной цензуры, новые должности – инспекторов по Академии Наук, Партиздату, еврейской и польской литературы, контроля за библиотеками, книготорговой

47 НАРБ, ф. 4-п, оп. 1, д. 6902, л. 500.

48 НАРБ, ф. 4-п, оп. 1, д. 6898, л. 98.

49 НАРБ, ф. 4-п, оп. 1, д. 6902, л. 526.

50 НАРБ, ф. 4-п, оп. 1, д. 6898, лл. 6–7.

51 Ахрамович Иван Леонтьевич (1905–1980), родился в с. Ваньковщина Руденского уезде Минской губернии в крестьянской семье, образование – среднее. С 1920 г. работал рабочим на крахмальном заводе, в 1927–35 гг. – в Красной Армии, выпускник Орловской бронетанковой школы и Киевского военного училища. По увольнении в запас по состоянию здоровья, в 1935 г. принят на работу районным цензором, с января 1936 г. – заместитель начальника отдела военной цензуры БССР. В январе 1937 г. был утвержден начальником Главлита и отдела военной цензуры при Совете Министров БССР, где работал до августа 1938 г. В течение следующего десятилетия – в аппарате ЦК КП(б)Б, с 1948 г. работал в аппарате Белсовпрофа.

сети, заведующего секретной частью, секретаря отдела военной цензуры, экономиста, бухгалтера. Были введены штатные должности цензоров в редакциях всех областных газет. Согласно новому расписанию, штатные единицы начальников обллитов вводились в Минске, Могилеве, Мозыре, Полоцке, начальников горлитов – в Минске, Витебске, Гомеле, начальников райлитов – в 18 районных центрах. Еще в 33 районах БССР начальники райлитов выполняли свои обязанности по совместительству.⁵²

Но, уже 2 ноября 1937 г. заведующий отделом печати ЦК ВКП(б) Л.С. Мехлис направил в ЦК ВКП(б) и СНК СССР записку о политическом положении в Управлении Уполномоченного СНК СССР по охране военных тайн в печати и начальника Главлита, которая спровоцировала крупные кадровые чистки и репрессии в этом ведомстве. Это было время, когда Главлит понес самые большие кадровые потери. Корпус цензоров обновился почти полностью. И.Л. Ахрамович еще летом 1937 г. докладывал заведующему отделом печати ЦК КП(б)Б М.В. Казюку, что «...в текущий момент аппарат Главлита БССР состоит из 2-х человек».⁵³ Вскоре в письме к первому секретарю ЦК КП(б)Б В.Ф. Шаранговичу он уже констатировал, что «Главлит и ОВЦ БССР не в состоянии выполнять и не выполняет по-настоящему свои функции в связи с тем, что линия Уборевича–Голодеда и Дьякова была направлена на ликвидацию органов цензуры в БССР. В значительной степени они этого достигли».⁵⁴ Какую реакцию вызвало письмо главного цензора в секретариате ЦК – неизвестно, но вряд ли В.Ф. Шарангович успел сделать что-либо для кадрового укрепления аппарата цензуры в республике. Уже через месяц после своего обращения в секретариат, И.Л. Ахрамович был вынужден приказать цензорам изымать из книготорговой сети и библиотек все брошюры и портреты арестованного партийного руководителя.⁵⁵

О критической ситуации с цензорскими кадрами в то время в республике также свидетельствует очередное секретное постановление ЦК КП(б)Б «Об укреплении цензуры в печати БССР» (август 1938 г.). В нем мы, в частности, читаем: «В Журавичском и Толочинском районах только в текущем году цензоры менялись три раза», «В Чаусском районе цензором выделен тов. Сорин, имевший строгий выговор от КПК ЦК ВКП(б) в 1937 году, был 2 года вне рядов партии, имел судимость – 8 месяцев принудительных работ».⁵⁶ Некоторые цензурные подразделения вообще приостановили свою работу. Так, в течение 1938 г. деятельность Главреперткома (с 1936 г. отдела Управления по делам искусств при СНК БССР

52 НАРБ, ф. 4-п, оп. 1, д. 12149, лл. 68–73.

53 НАРБ, ф. 4-п, оп. 1, д. 12149, л. 58.

54 НАРБ, ф. 4-п, оп. 1, д. 12149, л. 120.

55 НАРБ, ф. 4-п, оп. 1, д. 12149, л. 122.

56 НАРБ, ф. 4-п, оп. 1, д. 13152, л. 51.

с тремя штатными единицами в центре и по одной в каждой области) обеспечивал один «недостаточно квалифицированный» человек.⁵⁷

После постройки Дома правительства в Минске в 1934 г., Главлиту и ОВЦ БССР был выделен в нем отдельный кабинет. В начале 1941 г. его перевели в Дом печати, где цензоры и узнали о начале войны. Условия работы цензоров низового уровня были гораздо скромнее. В своем докладе секретарю ЦК КП(б)Б П.К. Пономаренко, подготовленном в августе 1938 г. главный цензор республики так описывал условия работы своих подчиненных районного уровня: «В большинстве случаев райцензоры не имеют отдельных изолированных комнат, работают где придется. Хранение секретных документов теперь передано им и они должны держать их при себе, в результате чего имеются случаи утери “Перечня сведений составляющих государственную тайну”». ⁵⁸ В 1939 г. работа Витебского обллита была подвергнута жесткой критике начальника Главлита и отдела военной цензуры БССР П.Я. Фролова.⁵⁹ Его жалоба на подчиненных, направленная первому секретарю ЦК КП(б)Б П.К. Пономаренко интересна, прежде всего, описанием условий работы витебских цензоров: «В одной комнатке при витебской типографии работает 5 человек обллита. Сюда заходит много посетителей по разным вопросам. Столы и полки завалены отобранной литературой. В этой же комнате хранятся секретные материалы, с которыми работники обллита вынуждены работать в присутствии посторонних лиц».⁶⁰

Партийное руководство стремилось решить кадровый вопрос в цензурном ведомстве не только административными, но также педагогическими методами. С этой целью, начиная с 1936 г. на базе Главлита БССР проводились курсы для начальников гор- и райлитов, а также газетных цензоров. Слушатели курсов, срок которых не превышал недели, изучали методические вопросы цензорской работы, а также знакомились с последними перечнями государственных и военных тайн, присланными из

57 НАРБ, ф. 4-п, оп. 1, д. 13004, л. 5.

58 НАРБ, ф. 4-п, оп. 1, д. 13152, л. 49.

59 С осени 1939 г. и до начала Великой Отечественной войны начальником Главлита и отдела военной цензуры БССР являлся Петр Яковлевич Фролов (1908–1975). Родился в с. Гарь Рязанской губернии в крестьянской семье, русский, образование – среднее. В 1925–31 гг. работал рабочим на прядильных фабриках. В 1931–38 гг. – в Красной Армии, окончил Полтавской военно-политическое училище, в 1935 г. прибыл для прохождения службы политруком учебной роты во 2-ю Белорусский стрелковую дивизию. Уволен в запас по состоянию здоровья. С марта 1938 г. работал заместителем начальника Главлита и отдела военной цензуры БССР, с сентября 1939 г. по июль 1941 г. – начальником. В годы Великой Отечественной войны являлся начальником Главлита Каракалпакской автономной области, потом – на офицерских курсах «Выстрел». После окончания войны работал помощником секретаря ЦК КП(б)Б, заведующим отделом кадров Госплана БССР.

60 НАРБ, Ф. 4-п, Оп. 1, д. 14763, л. 14.

Москвы. Последние в рассматриваемый время курсы П.Я. Фролов провел с разрешения секретаря ЦК КП(б)Б по идеологии В.Н. Малина в Минске в Доме правительства с 23 ноября по 3 декабря 1940 г.

Сохранившиеся архивные материалы позволяют составить общее представление о кадровом составе белорусского «министерства правды» накануне войны. Помимо центрального аппарата в Минске, который состоял из 42 человек, в областях БССР в 1940 г. действовало 117 штатных цензоров. Слабая подготовка цензоров, особенно на низовом уровне (т. н. «райуполномоченных») приносила много неприятностей руководству. Вербовались они из среды местных партийцев, из тех, кто был под рукой, и утверждались на своих должностях райкомами партии. Как правило, это были молодые малообразованные люди, имевшие непорочное прошлое – в силу своего возраста они не успели принять участие в национально-государственном строительстве 1920-х гг. В районах должности цензоров занимали по совместительству преимущественно инструкторы, пропагандисты, заведующие парткабинетами райкомов КП(б)Б. Среди цензоров-совместителей мы также находим учителей, культработников и даже работников торговли, но большинство (79 человек) были партаппаратчики. Присутствие женщин на цензорских должностях рассматривалось партийным руководством как исключение.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЦЕНЗУРНОГО КОНТРОЛЯ

Одним из главных направлений деятельности Главлитбела была борьба с белорусским художественным словом. В отношении литературных произведений в БССР действовала предварительная и последующая (конфискационная) цензура. Нередки были случаи, когда издание произведения запрещалось на этапе авторской корректуры. Иногда цензоры самостоятельно дописывали необходимое с их точки зрения. Или снимали с произведений посвящения. Существовали мягкие формы цензурных запретов – ограничение тиражей и переизданий.

Первой жертвой советской цензуры еще доглавлитовского периода в БССР стал поэтический сборник классика белорусской литературы Я. Купалы «Наследство», вышедший в начале 1922 г. Совет по делам печати ЦК КП(б)Б по политическим соображениям выбросил из него стихотворения «Вставай» и «Жиды». А в другом стихотворении в строфе «И душит крик: отпустят ли на волю / Варшава панская и царская Москва!?» вместо двух последних слов цензоры поставили многоточие.⁶¹ Замена нежелательных слов многоточием была приемом, заимствованным еще у царской цензуры. Вскоре этот архаический метод, который свидетельствовал о публичности цензуры исчезнет из практики работы Главлитбела, которая будет окутана завесой секретности. Я. Купала был излюбленной добычей лите-

61 Купала Я. Спадчына. Менск: Бел. кооп.-выд. тав-ва «Адраджэньне», 1922. 21 с. С. 82.

ратурных политконтролеров – из его книг в разные годы вычеркивались строчки, убирались страницы, конфисковывались целые тома из собраний сочинений. Свой тяжелый опыт борьбы с царской цензурой, словно предчувствуя появление советских, гораздо более жестоких цензоров, он в 1919 г. в поэтической форме изложил в стихотворении «Поэт и цензор».

Другим важным направлением работы белорусских цензоров был политический контроль средств массовой информации. На протяжении 1920-х гг. – период, когда существовала относительная свобода слова, Главлитбел запрещал публиковать в газетах материалы о месте и времени выступлений членов ЦК партии и правительства, местных бюджетах, урожае, бандитских налетах, повышении цен, девальвации червонца, пожарах, изнасилованиях и т. д.

Сталинский «великий перелом» направил развитие белорусской журналистики в сторону ее полного и окончательного огосударствливания, придания ей классических тоталитарных черт. Технически процесс цензурирования периодических изданий в 1930-е гг. выглядел следующим образом. Штатный редакционный цензор центральной или областной газеты (райлит в районных газетах) ставил разрешающий номер на окончательно сверстанных и исправленных полосах газеты, на которых уже имелась подпись редактора «к печати». После изготовления первого сигнального экземпляра, цензор должен был удостовериться, что в нем нет недостатков как с точки зрения политико-идеологической, так и технической (качество клише, типографских знаков и т. д.). После изготовления и распространения тиража, его вновь проверяли политредакторы Главлита БССР. Последующую цензуру в газетах осуществляли три политредактора в составе аппарата Главлита, а предварительную – уполномоченные по газетам. Таким образом, все материалы, которые выходили на страницах периодической печати БССР в 1930-е гг. проходили три цензурных фильтра: редакционный и главлитовский (предварительный и последующий).

На протяжении рассматриваемого периода сформировалось еще одно самостоятельное направление деятельности цензоров – радиоцензура. Работа радиоцензоров, которые регулярно докладывали «наверх» об «идеологических прорывах» и «диверсиях», в условиях массовых репрессий конца 1930-х гг. приводила к катастрофическим последствиям. Так, в октябре 1937 г. ЦК КП(б)Б вскрыл «ряд серьезных политических ошибок в работе радиокомитета», в результате чего более пятидесяти его сотрудников разного уровня и профессий были арестованы. Характерно, что среди мер, призванных укрепить кадровый состав белорусского радиокомитета предполагалось перевести туда двух дополнительных цензоров из Главлита БССР.⁶²

62 НАРБ, ф. 4-п, оп. 1, д. 12934, л. 39.

Зрелищные искусства – театр, кинематограф, эстрада также привлекали пристальное внимание цензоров в БССР в связи с их массовостью и доступностью широким слоям населения, что в свою очередь открывало широкие перспективы их использования в пропагандистских целях. Идеологическое партийное руководство республики спускало в цензуру установки, которые сводились к ограничению творческой мысли от любых самостоятельных проявлений, установлению приоритета воспитательной функции над развлекательной, а также введению единых эстетических стандартов.

В феврале 1923 г. в Главлитбел из состава Главполитпроса был передан орган, созданный там еще в 1922 г. специально для осуществления контроля за зрелищами – Главный комитет по контролю за репертуаром (Главрепертком). Предварительный контроль осуществлялся Главреперткомом в виде рассмотрения и утверждения репертуара театров, цирка, кино, выявления запрещенных тем, составления списков запрещенных пьес и кинофильмов, а также разработки инструкций. Последующий контроль представлял собой наблюдение за всеми зрелищными учреждениями, запрет и конфискацию «вредной продукции», а также репрессивные меры в отношении авторов и организаторов. Для систематизации репертуарного материала использовался метод литерации. Весь материал систематизировался с помощью четырех букв – А (идеально выдержано с политической и художественной точек зрения), Б (допустимо по тем же показателям), В (ценно с художественной, но бесполезно с идеологической точки зрения) и Г (идеологически выдержанно, но художественно примитивно).

В 1928 г. Главрепертком вместе с коллегией был переподчинен новой структуре, созданной внутри Наркомпроса – Главискусству, что по мысли партийных идеологов должно было приблизить цензоров к процессу создания культурных ценностей. При сохранении в целом прежних задач и содержания деятельности, новый статус Главреперткома вызвал расширение его структуры. Пирамида цензуры зрелищ теперь выглядела следующим образом: Главрепертком в Минске – горреперткомы в Витебске и Гомеле – райреперткомы в районах. Новое положение о Главреперткome включало в сферу его деятельности дополнительные направления, в частности любительские постановки в клубах, народных домах и избах-читальнях. В исключительных случаях цензорам уже разрешалось останавливать спектакли во время их демонстрации публике. В марте 1936 г. Главрепертком как структурное подразделение Главискусства Наркомпроса БССР повысил свой статус, когда на основе Главискусства было создано Управление по делам искусства, подчиненное непосредственно СНК БССР.

Деятельность цензоров оказало самое разрушительное воздействие на молодую белорусскую драматургию. Не менее чувствительный удар цензура нанесла нарождавшемуся белорусскому кинопроизводству. В

августе 1937 г. руководитель треста «Белгоскино» Д.Ю. Коник сообщал в Государственное управление кинематографии в Москву, что из 46 художественных фильмов, созданных за десять лет существования белорусского кино 18 были запрещены к показу. Кроме того, были «сняты» все документальные картины для удаления «вредных» кадров.⁶³

Уже на третьем заседании коллегии Главлитбела 25 ноября 1922 г. командированный из Москвы инструктор Главлита РСФСР поставил перед белорусскими коллегами задачу составления списка книг, подлежащих изъятию из библиотек. На протяжении 1920-х гг. Главполитпрос в сотрудничестве с Главлитбелом инициировал три волны чисток массовых библиотек (1923, 1926 и 1929 гг.), в ходе которых изымалась преимущественно дореволюционных российских и зарубежных изданий, а также «троцкистская» литература.

После расформирования в 1930 г. Главполитпроса библиотечные чистки целиком перешли в сферу ответственности Главлитбела. Волны библиотечных чисток 1930-х гг. были в значительной степени обусловлены политическими репрессиями против представителей белорусской интеллигенции, упоминание имен которых на страницах книг, журналов или газет означало их уничтожение или передачу в спецхран. Масштабы чисток, особенно в 1935–1937 гг. угрожали полностью опустошить массовые библиотеки, а научные – превратить в гигантские спецхраны. Наиболее интенсивно из библиотек БССР изымались книги по белорусской истории, искусству, филологии, географии, экономике, которые несли в общество либерально-демократические идеи в контексте задач национального строительства. Обращает на себя также внимание включение в списки на изъятие всех без исключения белорусских терминологических словарей, а также учебников белорусского языка и литературы. Особую ненависть организаторов библиотечных чисток вызывала молодая белорусская литература. Жертвами чисток стали многочисленные белорусские библиографические справочники и документальные сборники, в которых упоминались работы репрессированных авторов. Цензоры стремились уничтожить все свидетельства про бундовское и сионистское движение в Беларуси. Под подозрением также находилась литература, адресованная белорусскому крестьянству, среди которого были традиционно сильны частнособственнические настроения.

К этому времени уже была отработана процедура изъятия из библиотек и уничтожения «вредных» книг. Они утилизировались с помощью резальных типографских машин, после чего резаную бумагу сдавали в утиль. В райцентрах, где резальных машин не было, книги сжигались. Мрачными памятниками борьбы с инакомыслием являются уцелевшие инвентарные книги Государственной библиотеки БССР имени Ленина за

63 Летопись российского кино: в 3 т. – Т. II. 1930–1945 / под общ. ред. В.И. Фомина. М.: Материк, 2004. 846 с. С. 499.

1937 г., где запрещенные книги старательно зачеркнуты черной тушью.⁶⁴ После подобных масштабных чисток, библиотечное дело БССР находилось в состоянии тяжелого кризиса.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Оценивая двадцатилетний путь, пройденный цензурой БССР в довоенный период, необходимо подчеркнуть, что она была незаконной, т. е. строила свою деятельность на основе секретных партийных и ведомственных документов, которые получала из Москвы. А поэтому – тайной, безответственной и субъективной. Цензоры тщательно охраняли подлинные, а в большинство придуманные ими самими тайны. Советская довоенная цензура была гораздо более жестокой, чем царская. В 1920–30-е гг. цензурные органы беспрестанно выискивали «вражеские» вылазки на страницах печати и в радиопередачах, на кино-, фотоленках и грампластинках, в экспозиционных залах и зарубежной корреспонденции. Само слово «цензура», которое в общественном сознании к тому времени уже приобрело негативный оттенок редко употреблялось теми, кто ею управлял и кто ее осуществлял на практике. Обычно пользовались более нейтральным термином «политический контроль».

На протяжении 1920–30-х гг. в СССР происходила эволюция идеи идеологического ограничения текста. До 1922 г. формировалась задача ограничения буржуазного и религиозного текста. Со времени создания Главлита и на протяжении 1920-х гг. к этой задаче прибавилась и постепенно вышла на первый план задача ограничения инопартийного и внутрипартийного оппозиционного текста. Наконец, 1930-е гг. были временем ограничения канонического партийного текста. В БССР на эту схему наложилась борьба с движением за национальное возрождение (национал-демократами), которая привела к уничтожению лучших представителей белорусской интеллигенции, значительного пласта национальной культуры в целом. Большинство запрещенных и исковерканных цензурой текстов не было сознательно направлено против социального строя либо политической системы СССР. Цензоры, особенно в 1930-е гг., сталкивались преимущественно с неспособностью авторов подстроиться под быстро сменявшиеся идеологические требования, либо с обычными опечатками.

Главлитбел – ОВЦ и Главлит БССР предъявлял претензии не только к содержанию авторского текста, но также к его стилистическим особенностям, что привело к почти полному обезличиванию литературной работы. Это в наибольшей степени проявилось в стилистике белорусских газетных материалов 1930-х гг. Некоторым книгам пришлось пройти через чистилище цензуры дважды и более раз. С появлением новых

64 НАРБ, ф. 249, оп. 1, д. 38, лл. 1–100.

идеологических задач к их авторам возникали все новые претензии. Так, например, было с переизданием учебника «Белорусский язык. Правописание» Я. Лесика, издание которого после многочисленных правок 1920-х гг. в конце 1930-х гг. было вообще запрещено.

Главными жертвами цензурной системы БССР стали люди. Конечно, потери в области белорусского языка, литературы, национальной гуманитарной мысли в целом невосполнимы. Но, главный удар политической цензуры пришелся на общественное сознание, сформировав у жителей БССР цензурную ментальность (самоцензуру), которая исключала из поля зрения целые пласты национальной и всемирной культуры. Первоначально принудительно, а затем уже агрессивно-добровольно создатели белорусской советской культуры и ее потребители создали утопическое пространство, закрытое от окружающего мира и от самих себя. Голоса несогласных с подобным положением дел к концу рассматриваемого периода уже не были слышны.